

Леонид Георгиевич Родичев

Серп

Рассказ

Леонид Родичев

Серп

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Родичев Л. Г.

Серп / Л. Г. Родичев — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Это один из серии рассказов, основанных на реальных событиях, в которых участники проживают определенную временную эпоху памяти одного поколения. Рассказы задумывались как собрание памяти для детей, а получились как небольшое размышление о смыслах, наполняющих нашу жизнь: ценность семьи, дружбы, приоритетов и целей труда, передачи "духа времени" десятилетий XX века.

Ехали они уже три с половиной часа и Сашка начинал по немногу замерзать. Утреннее зыбкое февральское солнце совсем не грело. Сани мягко скользили по расчищенному большаку. Высокие сугробы скрывали обочину, но Сашка ориентировался по воткнутым веткам, обозначающим проезжаемые временами мостики через овраги. Его сани шли вторыми. Впереди, на санях пошире, ехал дед Изотыч.

Взяв двое саней с лошадьми, выехали затемно. Путь предстоял не близкий. За два дня нужно было пройти верст восемьдесят. Причем в первый день задумали они проехать основную часть пути. Потом заночевать в соседнем колхозе, а там уж и до места рукой подать. Одето на каждом было по две фуфайки, ватные штаны, теплые валенки и солдатские ушанки. Деревенские женщины собрали в дорогу каждому по три буханки хлеба, десяток луковиц, морковки (штук по пять), да шматок сала на двоих. Взяли, конечно, канистру воды, для себя и лошадей. А еще Сашка с Изотычем под завязку загрузились сеном. Сено хотели отдать как раз соседям. Год у них по травам не удался, и те постоянно просили помочь с сеном, обращаясь по случаю то к одним, то к другим. Беду их знали и помогали всем миром, по мере возможности.

В упряжке саней Сашки шел старый мерин по кличке Сивый. Сивый постоянно пускал газы и тряс на ходу оглобли. Вонь от коня на морозе не особенно чувствовалась и Сашка обращал на это мало внимания. Только уж когда совсем в нос ударял неприятный запах, он шлепал поводьями Сивого по спине и прикрикивал при этом:

– Ах ты, зараза такая! Иди не перди!

Выбирать не приходилось. Из трех деревенских лошадей, оставить нужно было старую клячу Ночку.

Изотычу было легче управляться с молодой кобылкой Звездочкой. Но Изотыч был стариком, сама по себе поездка давалась ему с трудом и поэтому он сел в сани с лошадей по-резвее.

...Не считая Сашки, дед Изотыч был единственным мужиком в деревне. За три года все мужское население призвали на фронт. К февралю сорок четвертого года, в Решетном на двадцать три двора было тринадцать баб, пятнадцать женщин среднего возраста, да около сорока ребятишек все младше Сашки. И на весь этот деревенский народ, из мужиков остались лишь они с Изотычем. По мнению Сашки, дед был очень старым. Мало кто помнил, что звали его Никифором. Но имя стерлось в памяти практически всех жителей деревни Решетное, и толи из уважения к возрасту, толи еще по какой-то причине, все звали его по отчеству – «Изотычем».

Никифору Изотовичу Родионову давно уже перемахнуло за семьдесят. Тот факт, что на правой руке отсутствовало у Изотыча три пальца – большой, указательный и средний, вместе с почтенным возрастом, делало его совершенно не пригодным для службы в армии. Пальцы свои Родионов потерял еще в японскую, о чем любил всем красочно рассказывать, демонстрируя при этом удивительные возможности оставшихся двух. Этими пальцами, без помощи левой руки, мог Изотыч ловко насыпать махорки на бумажку. Придерживая только одним большим пальцем левой руки свернуть сигарку – козью ножку. Рассказывал Изотыч о своих потерянных пальцах как-то любовно. Точно не терял он их, а заново приобретал. С каждым новым рассказом прибавлялись ранее не известные живописные подробности геройского поступка младшего мичмана Родионова, который почти ценой собственной жизни все-таки сбросил заклинивший якорь минного тральщика прямо перед входом в заминированную японцами бухту. И, конечно, только по своему головотяпству и разгильдяйству, когда катер, от легшего на дно якоря резко качнуло, Изотыч упал и хватнул правой рукой борт. Ухватился он точнехонько в том месте, где продолжала в тот момент соскальзывать с борта якорная цепь, которой в следующую секунду и срезало, раздробило ему эти недостающие, а теперь уже совсем лишние пальцы. Рассказ Изотыча был прослушан всей деревней не один десяток раз. Но вновь, когда дед начинал повторять историю, приплетая все новые детали к своему главному поступку всей

жизни, все замолкали и из уважения к одному оставшемуся мужику в деревне внимательно слушали. Только молодухи прыскали временами со смеха, да задавали иной раз вопросы:

– Деда. А в прошлый раз ты ж сказывал, что тебе еще один матрос вроде как помогал, да потом волной его смыло. А сейчас чегой-то нету того матросика, А?

– Да нет Ленк! Что ты! Эт я говорил, что хотел он помочь видать мне, дак не успел, не дошел до носа то. Его волной то и смыло. А тут японец со всех сторон палит, мочи нет, – беззлбно, не обращая внимания на колкости, продолжал дед Изотыч и без всякой обиды заканчивал рассказ, как ни в чем не бывало всегда одной и той же фразой:

– Ох и наложили мы в кису японцу тогда...

А потом степенно так добавлял:

– Вот тах-то и стал хероем младший мичман Родионов...

За это, или за что-то еще, был награжден младший мичман Родионов георгиевским крестом. Давно уж не доставал дед и не показывал свою награду никому...

Помимо многочисленных навыков и умений, так необходимых в деревенской жизни, Изотыч был по молодости лет еще и кузнецом. До войны в кузнице работало четверо мужиков и Изотыча никто уже не подпускал к наковальне. Но теперь, когда Изотыч изо-всех сил старался сделать по возможности всю мужскую работу в деревне, вспомнил он свои навыки кузнечной молодости. По неволе сделавшись левшой, многие вещи в кузнице Изотыч делать не мог. А вот когда два года назад, взял он Сашку себе в помощники, стали они делать почти все, что было нужно. Постепенно, месяц за месяцем, Изотыч передал секреты кузнечного дела Сашке полностью. Все, что знал. К своим пятнадцати годам Александр кузнечил, делая всю не хитрую деревенскую работу практически один. Уже полгода Изотыч не работал в кузнице. Правда, приходил частенько, сидел, подсказывал что к чему, иногда поддерживая кузнечными клещами заготовки.

Обо всем этом думалось Сашке в это утро как-то медленно и размеренно. Вспомнил он и тот день, когда пришла к нему в кузницу бабка Пелагея, с которой и началась эта поездка.

...В начале декабря бабка Пелагея, жившая на одной улице, через дом от Сашки, пришла в кузницу с обломком серпа. Сашка, отойдя от кузнечного горна, повертев в руке кусок сломанного железа, вернул его обратно Пелагеи:

– Не-е..., не сделаю. Расковывать тут ни чего не осталось, а на новый у меня железа нет. Так что баб Пелагея ступай до дому. Ничем помочь тебе не могу. Разве что нож из него выковать.

– Вот беда-то какая Сашенька. На кой мне нож-то. Вон два ножа то ихних басурманских есть уже, – причитала Пелагея, имея ввиду штык-ножи от немецкой винтовки системы Маузер, коих в большом количестве развелось к концу войны в деревне.

– А может, сделаешь, а? Как же мне теперь без кормильца-то? И че совсем нет у тебя железяки никакой? Ну сделай бабке-то, будь добрым, милоч, сделай...Я тебе молочка, яичек дам, – просила бабка Пелагея и все не уходила.

– Ну как я тебе его сделаю. Из чего? Из чугунка что ли? Нету у меня железа, нету понимаешь. Бороны не из чего делать, три плуга к весне надо, гвоздей председатель велел... А ты про серп свой! Иди с Богом до дому, иди уже...не до тебя, – по взрослому серьезно, не отрываясь от дела, ответил Александр.

Но бабка Пелагея все не уходила, все стояла... Молчком стояла, и смотрела как Александр, которому шел шестнадцатый год, подбрасывает в печь уголь, накачивает мехом воздух и ждет прогрева заготовки, прислонившись к стенке, утирая пот со лба, размазывая маслянные разводы, по и так перемазанному лицу.

...О чем думала бабка в эти минуты, смотря на парня. О погибшем в начале войны муже. О пропавших без вести двух сыновьях, которых каждый вечер вымаливала у Бога, стоя перед образами. О двух внуках и внучке, что остались без матерей и легли на ее плечи. О том, что если

бы не война, то было бы хозяйство, своя лошадь, две коровы, козы и несметное количество кур. А главное были бы мужики, хозяева. И был бы сейчас старший сын – Семен. Он то до войны и был на деревне главным в кузнице. Любила Пелагея приносить иной раз сама в кузницу обед, да смотреть как Семен, потный от жара, сильными, жилистыми руками раз за разом поднимает и с силой обрушивает на раскаленно-желтый брус металла тяжелый кузнечный молот... Как постепенно, из под умелых рук кузнеца выходят вилы, косы, топоры, подковы, гвозди и много еще чего, такого нужного в крестьянском хозяйстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.